

Письмо 11. Зяма Гердт и окружающая среда

Любимый всеми Зяма Гердт -

Он сохранил с поры военной

Одну из самых дерзких черт -

Колена он непреклонный.

Эпиграмма Валентина Гафта.

Мы попали в эту среду случайно. У нас был большой отпуск, и мы хотели, кроме байдарочного похода, съездить еще куда-нибудь. Дочку еще можно было взять с собой, но ни в один пансионат или дом отдыха с собакой не принимали. В Московском Доме Ученых, висело объявление о турбазе в Прибалтике. Я пошел на собрание турсекции и осторожно спросил одного туриста, можно ли приехать с собакой. Его сакраментальный ответ стал с тех пор одним из моих девизов: **«если не спрашивать, то можно»**.

Турбаза была расположена в Латвии «там, где кончается асфальт» - на берегу речки Гауя, вокруг поляны в лесу. Контингент, около 100 человек, в основном, московские профессора с семьями, традиционно отдыхающие здесь из года в год, и еще группа «артистов», обожающих это место, и этот коллектив, тоже с семьями: Булат Окуджава, Зиновий Гердт, режиссер Валерий Фокин, Сергей и Таня Никитины, Виктор Берковский и др. Жили в обычных палатках, без электричества, столовая под крышей, но без стен, кухня, склад туристского снаряжения, волейбольная площадка, «удобства» в лесу в виде аккуратных туалетов без канализации. Ходить можно было в чем угодно, телевизоров не было, а включать радио запрещалось, за исключением спортивных репортажей с олимпиады. Полная морально-политическая свобода заставляла всю эту компанию пренебрегать роскошными санаториями и домами отдыха, которые были вполне доступны им и материально, и административно.

Культурная программа по вечерам, часто у костра, включала как выступления «артистов», так и много других мероприятий. В центре всеобщего веселья был Гердт, шутки которого сопровождали всю лагерную жизнь. *«Бриться бы еще не страшно, - говорил он около общего штепселя для электробритв, - но глядеть на эту рожу...»*. Однажды, живший в соседней с нами палатке, профессор Б. прибежал на нашу поляну, давась от смеха. Он стоял в традиционной утренней очереди в туалет. Вдруг появился Гердт, покрутился, увидел очередь, забежал в свою палатку, и гордо появился у туалета, держа в руках удостоверение: *«Инвалиды войны - вне очереди»*. Но Ольга Окуджава шутку не приняла: *«Перебьешься, Зяма»*. А он мог шутить по любому поводу, в том числе и так мешавшей его артистической карьере ноги.

В столовой все дежурили по очереди. Гердт со своим зятем, Валерием Фокиным, нарядились в переднички и кокошники официантками, и, разнося блюда, игриво приставали к мужчинам: *«А вам какого еще...?»*. В ответ на аплодисменты в конце дежурства Гердт вдруг серьезно сказал:

- Знаете, друзья мои, за свою жизнь я видел все и всех: правительственные приемы, министров, артистов, биндюжников; я побывал в 52 зарубежных поездках. Я хочу сказать вам, что лучшие вас я не встречал никого. Я всегда провожу отпуск в вашей среде...».

Вечером я ему сказал: - *Знаете, Зяма, спасибо за комплимент, но Вы наблюдаете эту среду, когда она расслабилась на досуге. Они не делают здесь карьеру, не интригуют ради получения кафедры, звания, премии. Я думаю, в этой среде те же проблемы, что и в вашей артистической.*

- *Вы не знаете артистов, Лев Абрамович, а я знаю, и ученых тоже. Ваши - намного лучше.*

Я не стал с ним спорить. - *Но еще лучше Вы знаете официанток.*
Он улыбнулся.

- *На самом деле, все не так однозначно. Есть такая притча. «Летел воробей зимой, замерз и упал на дорогу. Мимо шла корова, наклала на него «лепешку», воробей отогрелся и зачирикал. Услышала кошка, вытащила воробья и съела. Мораль 1: Не всяк тот враг, кто тебя обосрал; мораль 2: Не всяк тот друг, кто тебя из дерьма вытащил; мораль 3: Сидишь в дерьме, не чирикай!»*

Он называл меня по имени-отчеству, хотя был не только старше, но и на порядок значительней меня, а себя заставлял всех называть еврейским именем «Зяма». Я думаю, это было для него своеобразным тестом: кто стеснялся так к нему обращаться, тот, он считал, испытывал некоторый антисемитский комплекс. Он хотел, чтобы в окружающей его среде его воспринимали таким, каков он есть, без скидок и поблажек на еврейское происхождение. Это был гениальный артист, не только на сцене, но и в жизни, и он сам создавал ситуацию по своему сценарию. Он подарил мне свой буклет с надписью: *«Дорогой Лев Абрамович, не судите меня и мой путь слишком строго: - я всего лишь З.Гердт. Август 1984».*

Популярность «всего лишь Гердта» в стране была огромна. Однажды мы поехали с ним в соседний городишко Валгу на автосервис: он должен был оставить машину, чтобы покрасить крыло и вернуться в лагерь со мной; мне надо было только сменить масло. К нему вышел директор, готовый «обслужить великого артиста». Подходящей краски не оказалось, но Гердт «сосватал» машину «министра культуры» (я исполнял эту роль на турбазе) на огромный ремонт кузова за смешные деньги. Я ему написал:

*Не директор магазина,
Не актер заслуженный,
Я на Зяме, как на ЗИМе
Въехал в техобслуживание.*

В этой среде царила искренняя доброжелательность, не обремененная званиями. Например, со мной то и дело случались разные происшествия: то у меня на шоссе лопнуло колесо на большой скорости, то я въехал на свиноферму, и пытаюсь прочистить днище машины травой, застрял в лесу. Немедленно с волейбольной площадки выехали обе команды вытаскивать мою машину, а на следующий день Булат Шалвович поинтересовался: «А что с Вами сегодня случилось?»

Были прекрасные вечера у большого костра: самый запомнившийся мне - Гердт читал стихи, а Никитины пели песни на слова тех же поэтов. Я был очарованным слушателем в этой окружающей меня среде, возможно, в самом деле, лучшей из всех, которой побаловала меня в жизнь, Я там выступил с фотомонтажом и стихами, которые удостоились похвалы Окуджавы.

Гауя

Когда несчастная планета
Со странным именем «Земля»,
сама себя сжила со света,
дошла до точки, до нуля,
и ни ответа, ни привета
не получив с других миров,
пустила в дело все ракеты.
И не осталось ни гробов,
Ни человеческого рода,
Ни даже ягод и грибов.
Погибло все в той схватке рьяной,
За исключением тараканов.
Но вот умолкнул гул орудий,
И из космической пыли
Интерземные квази-люди
Свои спустили корабли.
Они исследовать решили,
Какие особи тут жили.
Совет ученый доказал,
что люди гибли за металл,
что погубили их когда-то
интриги. Брат пошел на брата
и неизбежен был финал.
Но был открыт оазис странный,
что уцелел в том бардаке.
Он назывался «Гауяной» -
Безвестный табор на реке.
Его скрывает бор зеленый
там речка Гауя течет,
там бродит до ночи ученый
одетый кое-как народ.
В тени таинственной дубравы
слагает песни Окуджава.
Идет культурная программа.
Грибов насобирав с утра,
там вечерами у костра -
ужель та самая Татьяна
поет с Сергеем? Шутит Зяма
(Зиновий Гердт). И доктора
наук весьма разнообразных
проводят дни в раздумьях праздных
и в песнопеньях вечера.
Когда же колокол сигнальный
пробьет на древе вечевом,
он собирает ритуально
род гауянский за столом.

*Здесь вволю спят, едят «от пуза»,
тревога мира далека.
И нет Советского Союза,
а только Гауя - река.*